

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

О. В. Аксенова

Изменение роли политического субъекта: агент или актор?

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Aksenyonova.pdf>

Перепечатка с сайта НИУ-ВШЭ
<http://www.hse.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

О. В. Аксенова

Изменение роли политического субъекта: агент или актор? (на примере экополитической сферы)

Представление о политическом субъекте, как об акторе, принимающем решения и действующем в соответствии со своими интересами и/или ценностями, глубоко укоренено в современной культуре. Западная демократия, в том виде, в котором ее принято рассматривать как желаемый конечный пункт российского транзита, сложилась к 70 - 80-ым годам XX века и является акторской по определению. Именно к этому времени там формируется гражданское общество, которое представляет собой «сеть самоорганизовавшихся (т.е. организованных самими гражданами) и самоуправляющихся объединений граждан и широкий круг людей, имеющих активную гражданскую позицию и готовых действовать в соответствии с ней»¹. В эти годы в процесс принятия политических решений на Западе вовлекается множество субъектов, ранее в нем никогда не участвовавших: местные сообщества, разнообразные социальные движения, объединения и ассоциации граждан и т.п.

В этой связи заключение об исчезновении актора, сделанное рядом современных социологов, свидетельствует о серьезных, возможно радикальных изменениях в демократической полите системе и в самой модернити. Так, М. Кастельс и Дж. Юри предлагают концепцию глобальных потоков и сетей, в которых действующий субъект отсутствует, поскольку не может повлиять на поток информации, сырья, товаров и пр². Если в сетях М. Кастельса в качестве субъектов все же остается незначительное число международных финансовых организаций, то, по мнению Дж. Юрии, и они не управляют и даже не влияют на потоки, а лишь обслуживают их движение.

В данной статье сделана попытка анализа изменений, происходящих с актором, в основном на примере экологической политики на Западе и в России. Эта отрасль политической деятельности, с нашей точки зрения, является вполне

---

¹ См. статью Халий И.А. «Доступ к информации и развитие гражданского общества в России» в данном сборнике.

² См.: Castells M. The Rise of the Network Society // Castells M. Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 1. Malden (Mass)/Oxford: Blackwell, 1996; Urry J. Sociology beyond Society. L.: Routledge, 2000; Urry J. Global Complexity. Cambridge: Polity, 2003.

репрезентативной для того, чтобы сделать выводы, выходящие за ее рамки. Экополитические и социально-экономические трансформации общества взаимосвязаны и взаимозависимы, тенденции, формирующиеся в экополитической сфере, не являются специфическими, но отражают ключевые изменения в развитии общества.

Применительно к экополитическим сюжетам вопрос о роли субъекта можно сформулировать следующим образом: определяет ли субъект своей деятельностью экологическую политику, или она есть результат иных процессов, не связанных с интересами и ценностями действующих в ее рамках лиц? С нашей точки зрения, важно также узнать, что происходит с самим субъектом в том случае, если он не является более актором. Иными словами, сохраняет ли он интересы, ценности, способность осмыслить происходящее и занять определенную позицию, а значит, готовность к действию – или же изменения более существенны, чем временная утрата влияния на политические и социальные процессы. Данная статья не претендует на исчерпывающее исследование происходящих трансформаций. Представленный в ней анализ был направлен в первую очередь на поиск теоретико-методологических подходов к их объяснению. Он основан на результатах исследований автором западной экологической политики и управления, которые были начаты в Нидерландах в 1994 году, и на изучении вторичных источников, глубинных интервью, включенном наблюдении. Кроме того, в работе использованы данные многолетних исследований российской экополитики, осуществленных сектором по изучению социокультурного развития регионов России Института социологии РАН в европейской России и за Уралом.

Экологическая политика на Западе: тотальная менеджержизация

Исследование изменений, происходящих с субъектом, требует сопоставления различных исторических этапов его формирования. Методологически это непросто, поскольку инвайронментальная социология практически полностью сфокусирована на анализе текущей ситуации. Поэтому при исследовании западной экологической политики мы исходили из предпосылки, согласно которой последовательно сменяющие друг друга в научном дискурсе доминирующие социально-экологические концепции отражают определенные стадии экополитического развития, а конкурирующие теории фиксируют сложные, часто противоречивые тенденции, формирующиеся на одном временном отрезке.

В 80-е годы в социально-экологических исследованиях были популярны концепции, рассматривающие субъекта как актора, деятельность которого определяет направление развития экологической политики. Среди них теории новых социальных движений, новой экологической парадигмы и др. Ведущим субъектом экологической политики было экологическое движение, под влиянием которого

государство и компании были вынуждены предпринимать экологически ориентированные действия³.

В 90-е годы с изменением расклада сил на экополитической арене меняются и способы взаимодействия субъектов. Центральное место в социологических исследованиях в это время занимает теория экомодернизации. Согласно концепции экологической модернизации, главным актором экополитики становятся промышленные компании, экономически заинтересованные в охране среды, государство превращается в главного управляющего и контролера, а экологические неправительственные организации выполняют функции посредников между властью и бизнесом, пропагандируя новые формы экологического менеджмента. По сути, концепция интерпретирует экологическую политику как систему управления, элементами которой являются субъекты, выполняющие жестко определенные функции, а не обладающие собственными интересами акторы⁴.

В начале нового тысячелетия концепцию экологической модернизации сменяет теория экологический потоков, основанная на идеях М. Кастельса и Дж. Юри. Она и вовсе исключает субъекта из сферы анализа, фокусируясь на сетях, узлах и потоках капитала, ресурсов, отходов и пр., которые по своей полной независимости от чьих-либо интересов и действий напоминают круговорот воды в природе⁵.

Причиной (или, по крайней мере, одна из основных причин) процесса вытеснения политики управлением является всеобщий и непрогнозируемый риск. Локальные экологические опасности превращаются в описанный Ульрихом Беком⁶ каждодневный и повсеместный риск в том случае, если общество представляет собой тесное переплетение сложных систем в связи с развитием промышленности, коммуникаций, систем жизнеобеспечения и пр.

Ч. Перроу обнаружил противоречие в позиции субъекта (оператора) сложной технической системы, возникающее в связи с непредсказуемостью риска: «Системы высокого риска создают двойственную ситуацию: поскольку нормальная авария возникает в результате загадочного переплетения отказов и сбоев, оператор должен быть способен принять независимое и иногда достаточно творческое решение. Но поскольку эти системы взаимосвязаны, контроль над оператором должен быть централизован, так как у него слишком мало времени для того, чтобы проверять все и знать, что происходит в другой части системы. Оператор не может действовать по собственному усмотрению, жесткая связь элементов сложной системы предписывает

---

³ Аксенова О.В. Экологическая модернизация в условиях стабильного Запада и трансформирующейся России: Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. социол. н. М., 2002.

⁴ Там же.

⁵ Mol A., Spaargen G. Towards a Sociology of Environmental Flows. A New Agenda for 21-st Century Environmental Policy. Paper for International Conference on “Governing Environmental Flows”, Wageningen, the Netherlands, June 13-14, 2003

⁶ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

точно определенные шаги и инвариантную последовательность действий, которая не может быть изменена»⁷.

Данное противоречие, с нашей точки зрения, содержит ключ к пониманию экополитического субъекта в ситуации всеобщего риска. Оно позволяет различать актора, принимающего самостоятельные решения, и агента, следующего инструкции. Отметим, что понятия агента и актора используются политологами, социологами и экономистами. Актор – это тот, кто принимает решения, агент – исполнитель, играющий строго определенную роль, предписанную например, институтом, или реализующий интересы какого-либо политического или экономического субъекта⁸. В такой интерпретации агент-исполнитель может иметь определенную свободу действия для достижения поставленной перед ним цели.

Мы предлагаем несколько иную трактовку понятий актора и агента. *Актор* – это субъект, принимающий решения на основании собственных интересов, ценностей, идей, а также на основании оценки ситуации. *Агентом* в этом случае является субъект, выполняющий заданную системой функцию. Его действия не просто детерминированы внешними условиями, они жестко определены инструкцией, схемой или стандартом, предписывающими определенную последовательность шагов. Субъект социального действия является в той или иной мере одновременно и актором, и агентом. В различных социальных контекстах та или иная роль может преобладать, а в некоторых случаях – почти полностью вытесняться в зависимости от места управления в жизни общества и характера самой управленческой системы.

Противоречие между агентом и актором в сфере управления технологической системой решается путем усложнения последней, ее децентрализации, включения элементов саморегулирования, расширения области принятия решений агентом. Однако когда тот же процесс осуществляется не в промышленной компании, а в обществе, он приводит к упрощению его социальных и культурных элементов (как наиболее сложных, неопределенных и непредсказуемых), к функционализации актора, стандартизации принимаемых им решений и в итоге к превращению актора в агента⁹.

Концепцию экомодернизации и сменяющую ее теорию экологических потоков объединяет их функциональность и отсутствие актора. Более того, последняя открыто определяет социальную реальность как некоего киборга, в котором социальный мир тесно и неотделимо переплетен с миром материальным¹⁰.

---

⁷ Perrow Ch. Normal Accidents. Living With High-Risk Technologies. New York: Basic Books, 1984. P. 10.

⁸ См.: Зудин А. Крутой маршрут: сто дней президента Путина (весна – лето 2004 г.) // <http://www.politcom.ru/2004/prognoz13.php#16>; Кузьминов Я., Бендукидзе К., Юдкевич М. Как наука о рынках становится наукой об обществе // Вопросы экономики. 2005. № 12. С. 63-81.

⁹ Аксенова О.В. Указ. соч.

¹⁰ См: Urry J. Sociology beyond Society; Urry J. Global Complexity; Mol, A., Spaargen G. Op. cit.

Потоками информации, капитала, отходов, товаров управляет (точнее обслуживает их движение) агент.

Экологическая политика России: пространство актора

Наши исследования российской экологической политики показали, что она была и остается сферой действующего социального субъекта. Ее институты формируются в ходе взаимодействия акторов и определяются сложившимся раскладом их сил. Однако в условиях переходного периода равновесие интересов неустойчиво и недолговременно по причине изменений в социально-экономическом положении субъектов и появления на экополитической арене новых игроков. Эти перемены обусловлены особенностями экономического развития страны, а точнее, достаточно жестко заданы процессом продолжающегося развития сырьевой экономики. Отмеченная практически всеми исследователями нестабильность («турбулентность») экополитических институтов на самом деле представляет собой четко структурированную последовательность институциональных и организационных трансформаций, которые практически зеркально отражают этапы становления частного и государственного капитала: стагнацию начала 90-х годов, сменившуюся оживлением региональной экономики и формированием множества новых экономических субъектов в середине десятилетия; последующее стремительное развитие сырьевой промышленности в связи с ростом мировых цен на нефть и, как следствие, доминирующее положение в экономике небольшой группы монополий в конце XX века; борьбу частного и государственного капитала в начале нового столетия.

Возможность оставаться (или становиться) актором обусловлена также особенностями современной институциональной системы экополитики, которую чаще всего определяют как «неразвитую» по сравнению с западными аналогами. Федеральные законы не содержат детальных предписаний, а определяют лишь общие рамки деятельности экополитических субъектов. Отчасти это можно объяснить тем, что число экономических (а, следовательно, и экополитических) акторов на федеральном уровне незначительно – нет нужды в большом количестве формальных правил игры, если самих игроков немного.

Однако существует ряд не зависящих от власти и капитала факторов, которые ставят непреодолимый барьер унификации и стандартизации институтов, а также централизации управления. Главными из них являются размеры страны и разнообразие региональной жизни. Эти параметры выглядят почти константами по сравнению с описанными выше быстрыми трансформациями субъектов переходного периода. Они обуславливают невозможность полной централизации управления вне зависимости от устремлений политического режима, поскольку не позволяют сконцентрировать принятие решений в центре и ограничивают возможности контроля над их исполнением. Звенья управленческой системы должны сохранить определенную свободу действий (то есть оставаться в определенной степени

актерами) в условиях любого тоталитаризма. В противном случае управление просто будет блокировано. Недаром централизация экополитики в реальности оказалась разрушением (деинституционализацией) федерального экологического администрирования, его переносом на местный уровень (локализацией)¹¹. По тем же самым причинам невозможна и полная стандартизация действий элементов управленческой системы. Противоречие, выявленное Ч. Перроу, разрешается в российском управлении в пользу актора, имеющего достаточный уровень образования и знаний для того, чтобы ориентироваться в меняющихся условиях и принимать оптимальные решения. В условиях выстраивания вертикали власти и приведения регионального законодательства в соответствие с федеральным на региональном и местном уровнях продолжает действовать множество норм и правил, существенно различающихся в разных регионах. Таким образом, сама система управления в России является скорее «акторско-агентской», что создало возможность описанного выше превращения ее региональных и местных звеньев в полноценных субъектов социального и политического действия.

В России риск остается в большой степени локальным, опять же благодаря большому расстоянием, сохранности природных экосистем, локальности индустриальных зон, отсутствию плотной сети коммуникаций и пр. Разливы нефти за Уралом не создают риска для жителей европейской части России и даже для большинства населения Сибири, поэтому охрана природы остается (и по всей вероятности будет оставаться) результатом столкновения интересов действующих субъектов – компаний, экологического движения, сообществ, проживающих на природных территориях коренных малочисленных народов Севера и др.

Заключение

Социологические концепции зафиксировали, по крайней мере, две различных тенденции в трансформациях субъекта. Первая – вытеснение множества акторов из процесса принятия решений, имевшее уже место в истории. Глобальные потоки в интерпретации социологов по своей независимости от актора действительно напоминают природное, а не общественное явление. Но их могущество есть всего лишь результат доступа к дешевой рабочей силе восточно-азиатских стран, который дает возможность крупным экономическим акторам игнорировать действующего субъекта (например, местное сообщество) с его интересами и требованиями. В данном случае констатация смерти актора преждевременна, и отражает скорее современную ситуацию и иллюзии политической и экономической элиты относительно ее неизменности. Действующие субъекты, обладающие потребностями (к тому же неудовлетворенными), и наделенные волей обычно возвращаются, причем не конвенциональными путями. Глобализационные процессы уже

---

¹¹ Институционализация экологической политики в России: социальные практики, стратегия государства, управленческие решения. М.: ИС РАН, 2006. С. 17-38.

спровоцировали бурные и быстрые социальные трансформации, сопровождающиеся ростом протестной активности (например, студенческие выступления в Париже весной 2006 года, волнения в Венгрии осенью этого же года, молодежный бунт в благополучной Дании).

Вторая тенденция складывается из процессов функционализации актора и превращения его в агента. В этом смысле смерть актора наступила раньше, чем ее зафиксировали социологи, поскольку концепция экологической модернизации не заметила и не могла обнаружить исчезновения действующего лица. Дело в том, что в исследованиях традиционно оценивается инновационность и эффективность политики или управления, способность решать экологические проблемы, а некоторых случаях – степень демократичности, обеспечения участия различных субъектов в процессе принятия решений, согласования интересов и т.п. При этом превращение институтов участия в аналог инструкции (то есть в правила, содержащие почти пошаговое предписание действий субъекта), может остаться незамеченным.

С нашей точки зрения, необходимо изменить ракурс анализа, а именно рассмотреть модернизационные процессы с позиции их воздействия на субъекта политики и/или управления. Как уже отмечалось, требования прозрачности и контроля неизбежно ведут к упрощению самого субъекта и взаимодействий внутри функциональной системы. Но более того, необходимость следования стандартам и схемам для снижения риска (и повышения эффективности управления) делают излишними и даже опасными ключевые качества актора, а именно его способность к активному действию, к осмыслению происходящего, наличие собственной позиции и собственного мнения. В системах высокого риска – все это становится тем самым человеческим фактором, который считается одной из причин аварий и катастроф.

Эти перемены происходят со всеми субъектами, включая государственные структуры и крупный бизнес, поскольку каждый из них исполняет определенные функции в процессе управления и каждый должен быть прозрачен и предсказуем. Тотальный контроль общества всеобщего риска, таким образом, устраняет актора гораздо эффективнее, чем авторитарные и тоталитарные режимы XX века. По сути, киборг Дж. Юрии – это реализация сталинской мечты о человеке-винтике, своего рода тоталитаризм без оруэловского Большого Брата, обеспечивающий, однако снижение экологического риска и высокий уровень жизни. Однако устойчивость подобной «индустриально-биологической» системы все же относительна, поскольку агент, не способен по определению принимать самостоятельные решения и действовать творчески в критической ситуации. Речь, разумеется, идет о тенденции, но о тенденции, в ряде стран ставшей достаточно заметной и влиятельной. При этом вполне вероятно, что развитие указанной тенденции будет прервано глобализационными процессами, неолиберальным отказом от социальных гарантий, и в результате – ростом забытых было классовых различий и противоречий.

Россия в силу множества факторов была и остается оплотом старой, то есть акторской политики и преимущественно акторского управления. Эти условия сохранения актора нуждаются в отдельном исследовании. Отметим только, что благодаря им русская культура (в ее советской версии) идею человека-винтика так и не восприняла. Она настаивала на воспитании активной гражданской позиции, умения ее отстаивать, думать и самостоятельно принимать решения, что и стало одной из причин быстрого возникновения массового экологического движения в перестроечную эпоху. В стране уже имелось достаточное число граждан, готовых стать активистами и лидерами социальных движений и политических партий¹².

Процессы самоорганизации в России, начавшиеся в конце 80-х годов, не прекращались и продолжают в настоящее время в самых разных сферах жизнедеятельности общества. Ставшие почти традиционными в российской политологии сетования на пассивность населения и его недемократический менталитет скорее отражает опять же вполне акторское стремление власти не допустить к принятию решений и даже попросту не заметить множество субъектов гражданского общества, активно действующих на региональном и локальном уровнях¹³. В настоящее время российская экополитика складывается из попыток государства выстроить политические взаимодействия и экологическое управление таким образом, чтобы они не препятствовали промышленному росту в сырьевых отраслях и ответной реакции на них экологического движения, местных жителей, а в иных случаях – местной власти и других субъектов. В результате формируется парадоксальная тенденция, противоположная экомодернизационной по своей сути: разрушение федеральной экологической политики и управления, растущее давление лиц со стороны власти и капитала, преумножает число акторов, сохраняющих и развивающих ее в регионах и на местах.

---

¹² См.: Яницкий О.Н. Социальные движения. Сто интервью с лидерами. М.: Московский рабочий, 1991.

¹³ О самоорганизации на локальном уровне см.: Автопортрет местных сообществ. Анализ социологических опросов и глубинных интервью. М.: Институт социологии РАН, 2006.